

Гуманитарная рациональность и возможности рационального гуманизма

Е.А. Сергодеева

*Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь,
Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-55-69

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье предложен анализ соотношения гуманизма и гуманитарности сквозь призму рациональности, что позволяет объединить значимые противоречия их природы и способов реализации, а также выявить тонкости и различия их взаимоотношений. Обоснована взаимосвязь идеи рациональности как разумности с теорией гуманизма и его практиками, показано, что обвинения рациональности в антигуманности могут быть адресованы в основном инструментальной целерациональности, занимающей господствующее положение в обществе Модерна. Охарактеризована противоречивость развития гуманизма в последние годы. С одной стороны, именно в XX в. появляются первые организационно оформленные гуманистические движения, гуманизм постепенно становится распространенной общественной практикой. С другой стороны, начиная со второй половины XX столетия, от представителей постмодернистской и религиозно-консервативной традиций все более отчетливо звучат высказывания о кризисе гуманистической идеологии. Установлено, что классическая концепция светского гуманизма утратила свою репрезентативность по отношению к общественным реалиям, поскольку обоснованная в ней модель человека становится историографическим фактом и требует своего переосмысления и обновления. Подчеркивается, что роль гуманитарных технологий возрастает с учетом новых условий функционирования науки в современном обществе, в которых любое знание, в том числе естественное и техническое, приобретает гуманитарное измерение. Поэтому гуманитарная составляющая является сегодня необходимым компонентом любых наук, позволяющим провести прагматическое и аксиологическое сопоставление их достижений с реальным жизненным миром человека и его потребностями. Сделан вывод о том, что рациональные стратегии преодоления кризиса гуманизма (трансгуманизм и постгуманизм) связаны с новыми онтологиями и представляют собой попытки осмысления трансформации гуманистических ценностей в технонаучном мире.

Ключевые слова: гуманизм, гуманитарность, рациональность, наука, технонаука, технологии, человек, субъект, индивидуальность, трансгуманизм, постгуманизм.

Сергодеева Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Северо-Кавказского федерального университета.

sergodeewa@rambler.ru

<http://orcid.org/0000-0002-2076-1988>

Цитирование: *Сергодеева Е.А.* (2018) Гуманитарная рациональность и возможности рационального гуманизма // Философские науки. 2018. № 11. С. 55–69.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-55-69

Humanitarian Rationality and the Possibilities of Rational Humanism

E.A. Sergodeeva

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-55-69

Original research paper

Summary

The article discusses the relations between humanism and humanitarianism through the prism of rationality, which allows to identify the significant contradictions between their essences and methods of implementation as well as to reveal the subtleties and differences in the relationship between them. The author demonstrates the interrelation of the idea of rationality as reasonability with the theory of humanism and its practices; it is shown that the charges of inhumanity against rationality can be addressed mainly to instrumental reasonability, which occupies a dominant position in the society of Modernity. The inconsistency of the development of humanism in recent years is examined. On the one hand, first organizationally formed humanistic movements emerged in the 20th century and humanism gradually became a common social practice. On the other hand, starting from the second half of the 20th century, representatives of the postmodern and religious-conservative traditions more and more clearly pronounce statements about the crisis of humanistic ideology. It is determined that the classical concept of secular humanism has lost its representativeness to social realities because its model of a person becomes outdated and requires rethinking and renewal. It is emphasized that the role of humanitarian technologies is

increasing under the new conditions of the science functioning in modern society, in which any knowledge, including natural and technical, acquires a humanitarian dimension. Therefore, the humanitarian component is a necessary part of any science today since the humanitarian component offers a pragmatical and axiological comparison of the scientific achievements with the life-world of men and their needs. The author concludes that rational strategies for overcoming the crisis of humanism (transhumanism and posthumanism) are associated with new ontologies and represent attempts to understand the transformations of humanistic values in the technoscientific world.

Keywords: humanism, humanitarianism, rationality, science, technoscience, technology, man, subject, individuality, transhumanism, posthumanism.

Elena Sergodeeva – D.Sc. in Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, North-Caucasus Federal University.

sergodeewa@rambler.ru

<http://orcid.org/0000-0002-2076-1988>

Citation: Sergodeeva E.A. (2018) Humanitarian Rationality and the Possibilities of Rational Humanism. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. 2018. No. 11, pp. 55–69.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-55-69

Спор о рациональности гуманизма

Напряженность между смыслами гуманитарности и гуманизма создает сама паронимичность этих понятий. Еще более непростой их взаимосвязь видится в контексте эволюции и социокультурной контекстуальности этих феноменов. Их соотнесенность с человеком очевидна, что, впрочем, не сглаживает проблематичности их взаимоотношений. Возможно, менее очевидной (по крайней мере, в отношении гуманизма), но зато достаточно эвристичной для анализа проблемы «гуманизм vs гуманитарность» представляется их соотнесенность с рациональностью, в том числе с рациональностью научной. Рациональность, являясь одной из основополагающих ценностей современности, не только во многом определила ее сущностные характеристики и тенденции эволюции, но и, проникнув в социальные, экономические и культурные структуры, оказалась своеобразным «виновником» многочисленных кризисных проявлений общества модерна, в том числе его гуманитарных катастроф [Сергодеева 2013, 43]. Именно поэтому рассмотрение гуманизма и гуманитарности сквозь призму рациональности позволяет преодолеть значимые противоречия

их природы и способов реализации, а также выявить различия и тонкости взаимоотношений.

Понятием «гуманизм» обозначается целый ряд явлений – идейное течение, принцип, идеология, общественное движение, что позволяет говорить о гуманизме как о сложном социокультурном комплексе [Кувакин 2002]. Однако все проявления гуманизма, по сути, связаны с утверждением прав человека на свободное развитие и самореализацию. Как правило, эта установка дополняется также идеей «равносубъектности», означающей равноправие всех представителей человеческого рода и их самостоятельность. Можно ли сказать, что названные ценности и установки гуманизма имеют рациональный характер или внутренне связаны с ценностями рациональности? Ответы на этот вопрос ожидаемо разнообразны вплоть до оппозиционности.

С одной стороны, практически общим местом в философии стало увязывание истоков современного гуманизма с культурой и философией Ренессанса с характерными для них антропоцентризмом и индивидуализмом. Также большинство социальных мыслителей XX столетия, начиная от М. Вебера и заканчивая теоретиками индустриализма и постиндустриализма, отмечают, что становление общества модерна развило и углубило эти тенденции, придав им экономическую и политико-идеологическую обоснованность. Разум начинает пониматься как главное отличительное свойство человека, дающее возможность преодолеть «темное» иррациональное прошлое, а рациональный индивид, способный к творческой инициативе и самореализации, несмотря на свою ограниченность, практически возрастает в своем могуществе до Бога и становится субъектом, преобразующим природу и участвующим в рационализации и либерализации общественных отношений. Наука как квинтэссенция рациональности и ее достижения становятся универсальными средствами социального прогресса, что позволяет Г.Л. Тульчинскому утверждать: «Наука внесла решающий вклад в реализацию великого проекта гуманизма Просвещения с его лозунгами: “Все во имя человека! Все на благо человека! Человек есть мера всех вещей”» [Тульчинский 2015, 39].

С другой стороны, мнение о противопоставлении рационального и гуманного, а еще шире – нравственного, также имеет достаточно давнюю традицию: от Ж.-Ж. Руссо с его рассуждениями о науке и нравственности до Ф. Ницше с его критикой идей ра-

ционального гуманизма [Марков 2000]. Достаточно категорично высказывались по этому вопросу и активисты становления гуманизма как общественного движения, способствующего либерализации общественной жизни. В частности, лидер американской гуманистической ассоциации в 1949–1950 гг. Куртис Ризе с абсолютной определенностью утверждал, что гуманизм не является рационализмом, поскольку для него разумность – не более чем функция организма, а зависимость от разума представляет такую же опасность, как и зависимость от Библии [Черный 2003, 122].

В наиболее эксплицитной форме противопоставление рационализма и гуманизма развернуто в современных теориях экзистенциальной и антициентистской направленности и достигает своего апогея в постмодернистской философии. Г. Маркузе, в частности, полагает, что научная рациональность, выродившись в технологию, перестала носить гуманный характер и превратилась в средство манипулирования сознанием и тотального господства. Наука, с его точки зрения, успешно поддерживает дискурс мобилизации и устрашения, поэтому ценности гуманизма формируются, в основном, в сфере «ненаучной культуры» [Маркузе 2011].

М. Фуко обосновывает новое «позитивное» понимание власти как сети отношений, согласно которому она не локализована исключительно в области политики, а пронизывает все социальное пространство, имманентно присутствуя во всех типах общественных институтов и интеракций, в том числе в науке. Поэтому можно сказать, что власть образует своеобразный сплав со знанием, в котором они дополняют и усиливают друг друга [Фуко 1996, 321]. Также небезынтересно фукольдианское рассмотрение феномена власти через текст и документ. Различные взаимодействия человека с социальными институтами фиксируются в документах и представляют собой, по сути, проявление «дисциплинарной власти», формализуя его жизнь и кодируя ее [Фуко 1996, 191].

В этой дискуссии о рациональности гуманизма представляется важным, помимо учета многообразия проявлений самого гуманизма, понимание того, с каким именно типом рациональности связано ее восприятие в качестве манипулятивной и репрессивной силы. Рациональность, изначально сформировавшись как идея разумности, сознательной регулятивности и сопряженности с целями, в модерновом обществе была практически редуцирована лишь к одной своей ипостаси – ин-

струментальной эффективной калькуляции, опирающейся на достижения науки и постепенно сращивающейся с техникой. Поэтому инвективы по поводу антигуманности рациональности могут быть адресованы в основном инструментальной целерациональности, занимающей, правда, господствующее положение в обществе модерна.

Если же обращаться к идее рациональности как разумности, то она оказывается тесно связанной с теорией гуманизма и его практиками. Всемирно признанный теоретик гуманизма, современный американский философ Пол Куртц, указывая на сложно преодолимые трудности формулирования полной и всеобъемлющей дефиниции гуманизма, останавливается на его дескриптивном определении. Он выделяет пять его существенных признаков, два из которых указывают на сопряженность гуманизма с наукой и рациональностью: «...гуманизм привержен методу исследования, опирающемуся на разум и научную объективность; гуманизм обладает своей нередуктивистской естественной онтологией, основанной на научном знании» [Куртц 2000, 36].

Противоречия современного гуманизма и его критика

Что касается самого гуманизма, то учет многообразия его манифестаций и форм обоснования может существенным образом повлиять на представления о его рациональных основаниях. На протяжении последнего столетия развитие гуманизма отличалось сложностью, а порой и драматичностью. С одной стороны, именно в XX в. появляются первые организационно оформленные гуманистические движения, со временем процесс формирования гуманистических обществ охватывает все континенты, формулируются теоретические основания их деятельности – гуманизм постепенно становится распространенной общественной практикой. С другой стороны, начиная со второй половины XX столетия, от представителей постмодернистской и религиозно-консервативной традиций все более отчетливо звучат высказывания о кризисе гуманистической идеологии, крахе «гуманистического мифа» и конце традиции европейского светского гуманизма. При всем многообразии претензий, предъявляемых гуманизму, наиболее существенными представляются обвинения в утрате им прежней роли в системе ценностных координат современного человека, а также в его вырождении в

идеи титанизма, влекущего за собой реальную дегуманизацию социума. Весь комплекс этих нареканий увязан с проблемами индивидуальности и рациональности.

Гуманистический проект модерна основывался на ценности человеческой индивидуальности, которая выступала основным носителем социальных и культурных форм западной цивилизации. Упор на автономию, свободу и инициативу, обоснованный целерациональностью, являлся органической частью культурных оснований индустриального общества, способствовал экономическим успехам, распространению капиталистического общественного порядка и современной либеральной идеологии. Однако постепенно, в рамках эволюции современного общества, провозглашенные свобода и индивидуальность превращаются в свои противоположности.

Индивидуализация приводит не только к автономизации, но и к атомизации личности, что парадоксальным образом формирует социальную базу стандартизированного потребительского общества [Сергодеева, Монастырская 2017]. Внешне амбивалентные, но внутренне взаимосвязанные процессы индивидуализации/массовизации оказываются тесно сцепленными с тенденциями информатизации и консьюмеризации, характерными для постиндустриального общества. Человека массы в информационном обществе можно охарактеризовать как «избирательного пользователя», при том что и избирательность, и рациональность оказываются ограниченными установками массового сознания. Ориентируясь на информацию, почерпнутую из Интернет-ресурсов, он, по сути, минимизирует свои интеллектуальные и критические усилия. Романо Гвардини характеризует современного социального индивида как «человека без личности», который «принимает и предметы обихода, и формы жизни такими, какими навязывает их ему рациональное планирование и нормированная машинная продукция, и делает это, как правило, с чувством, что это правильно и разумно. Не имеет он и малейшего желания жить по собственной инициативе. Свобода внешнего и внутреннего движения не представляет, по-видимому, для него изначальной ценности. Для него естественно встраиваться в организацию – форму массы – и повиноваться программе, ибо таким способом человеку без личности задается направление» [Гвардини 1990, 144].

Важно и то, что еще одной опасностью гипертрофированной «безответственной» индивидуализации становится так называемый титанизм с его установкой на всеислие человека и его преобразовательных интенций. «Сплав» титанизма с деперсонафикацией и превалированием инструментальной рациональности оказывается разрушительным не только для культуры и социума, но и для самого человека.

Именно эти проблемы стали основанием постмодернистской критики гуманизма, тесно увязанной с критикой модерна и присущей ему рациональности. Рассматривая научное знание как разновидность мифа и приписывая метанарративам и бинарным оппозициям репрессивный потенциал, постмодернисты одновременно констатируют конец традиции новоевропейского гуманизма [Лиотар 1998]. Сомневаясь в способности человека к свободному выбору, ответственности, они постепенно лишают его субъектности, превращая его из «меры всех вещей» и носителя рационального начала в «точку пересечения множества дискурсов».

Неслучайно поэтому концепт индивидуальности уступает в нынешнем гуманитарном дискурсе концепту идентичности. В «текучей» постсовременности, представляющей собой совокупность множества локальных слабо структурированных процессов с гибкими горизонтальными взаимосвязями, идентичность также превращается в процесс, причем «оторванный» от своих традиционных привязок, а значит свободно конструируемый. Как замечает В.И. Пржиленский: «Результатом такого постоянного изменения становится разрыв между идентичностью и такими прежде важными ее коррелятами, как профессия, интересы, биография» [Пржиленский 2009, 44].

Вслед за провозглашением «смерти субъекта» человек лишается и возможности творить, что дает право скептически воспринимать его преобразующую деятельность и индуцировать идеи примата естественного над искусственным, избавляясь тем самым от присущего социальному модерну титанизма.

Таким образом, в современной философии сформировано устойчивое понимание того, что классическая концепция светского гуманизма утратила свою репрезентативность по отношению к общественным реалиям. Обоснованная в нем модель человека становится историографическим фактом и требует своего переосмысления и обновления.

Гуманизм гуманитарной рациональности

Культура общества модерна была фундирована классической научной рациональностью, которая по своей сути была естественнонаучной. Поэтому и обоснование идей светского гуманизма с его индивидуализмом и культом творчества базировалось именно на ней. Противопоставление естественных и гуманитарных наук, тематизированное на рубеже XIX–XX столетий и не совсем изжитое до сих пор, позволяет поставить вопрос о том, не является ли именно гуманитарная рациональность более «гуманной» и не может ли она послужить основанием современного пересмотра гуманистических идей.

Гуманитарные науки, как известно, начали формироваться значительно позднее естественных и долгое время строились по их эталонам, что было зафиксировано в натуралистических методологических установках. Первые шаги к их конституированию в особую сферу дисциплинарного знания были связаны с модернизацией образов, заимствованных из механической картины мира. Осознание специфики гуманитарного знания происходит одновременно со становлением профессионального научного сообщества, что и фиксируется в терминологической семантике. Понятие «гуманитарный» означает не только сфокусированность на проблематике человека, но и определенную дисциплинарную принадлежность. На первый взгляд, обращенность гуманитарных наук к человеку автоматически придает им гуманистический характер, в отличие от естественных и технических наук. Тем более что в качестве их специфических черт в антинатуралистической парадигме, фиксирующей противопоставление естественнонаучного и гуманитарного типов рациональности, выделяются такие, как интерес к индивидуальному и локальному, процессуальная и историческая ориентированность, нацеленность на смыслообразование, аксиологический характер и опора на понимающие и качественные методологические процедуры. Однако целый ряд обстоятельств позволяет усомниться в этом тривиальном выводе.

Во-первых, реальная эволюция научной рациональности, которую можно было наблюдать в XX в., значительно расширила прежние представления о ней. Для постнеклассической науки характерно преодоление разрыва между естественнонаучной и гуманитарной культурами, что стало возможным как благодаря расширению объектной сферы естествознания, в которую

включаются человекообразные системы, так и в связи с тем, что характерные черты гуманитарных наук (такие как историзм, ценностный характер и т.д.) перестают восприниматься в современной научной парадигме в качестве маргинальных. На фоне того, что в орбиту естествознания вовлекаются человекообразные, эволюционирующие объекты, бывшие ранее специфическими особенностями гуманитарных наук становятся вариантом общенаучной нормы.

Во-вторых, современный этап развития научного познания можно охарактеризовать как ситуацию междисциплинарного и трансдисциплинарного синтезов. Это означает не только трансфер понятий и методов из одной сферы научных знаний в другую, но и выход исследований на новый метауровень концептуальной и поисковой работы. Стимулами появления таких синтезов служат свойственные постнеклассической науке тенденции дисциплинарной интеграции, а также появление проблемно-ориентированных исследований, нацеленных на решение актуальных социальных и технико-технологических проблем [Князева 2011].

В-третьих, гуманитарные науки уже изначально не представляли собой «чистое» знание, а были прагматически фундированы социальным проектизмом и перфекционизмом. Другое дело, что этот проектизм носил достаточно утопический характер и был этически обусловлен представлениями о должном. В современной познавательной ситуации эти черты достаточно ярко проявляются в технологизации гуманитарного знания, которая неоднозначно воспринимается научным сообществом. Многие исследователи само словосочетание «гуманитарные технологии» воспринимают как оксюморон, поскольку технологическая составляющая, по их мнению, противоречит самой сути гуманитарной рациональности [Пржиленский 2014]. Даже признавая возможность гуманитарных технологий, эти авторы предостерегают от возникающей здесь опасности появления черт механистичности гуманитарного знания и риска подмены теоретическими моделями реальных процессов. Представляется достаточно обоснованной позиция авторов, которые, указывая на несовпадение понятий «гуманитарный» и «гуманистический», акцентируют внимание на необходимости соответствия гуманитарных наук требованиям современного информационного социума [Тульчинский 2008].

Сущностные измерения современного общества соотносятся с такими параметрами человеческого бытия, как знание, инфор-

мация, человеческий капитал. В этой ситуации гуманитарные технологии стоит понимать как новую форму существования гуманитарного знания, а не сводить их исключительно к манипулятивным стратегиям. Можно согласиться с Л.Н. Беляевой, что «гуманитарные технологии представляют совокупность методов, применяемых в гуманитарных науках, включая системы методов изучения человека и способов влияния на его сознание и поведение, системы методов изучения социума, системы методов извлечения информации и формирования знаний, системы методов формирования профессиональных и социальных компетенций» [Беляева 2008, 3].

Стоит особенно отметить, что роль гуманитарных технологий возрастает с учетом новых условий функционирования науки в современном обществе, при которых любое знание, в том числе естественное и техническое, приобретает гуманитарное измерение. Поскольку технологические инновации достаточно экспансивно внедряются в социальную жизнь, а последствия этого вовсе не очевидны, возникает необходимость гуманитарной экспертизы как «гуманистической» оценки допустимого влияния новаций на мир человека. Поэтому гуманитарная составляющая является сегодня необходимым компонентом любых наук, позволяющим провести прагматическое и аксиологическое сопоставление их достижений с реальным жизненным миром человека и его потребностями.

Рациональные стратегии преодоления кризиса гуманизма

Исчерпанность классической западноевропейской гуманистической традиции заставляет искать новые формы гуманизма, а соответственно и формулировать новые концепции личности. Одной из таких теорий, имеющих идеологическую окраску, является концепция трансгуманизма, которая опирается на последние достижения биомедицинских технологий, одновременно весьма удачно вписываясь в контекст новоевропейских идей прогрессивного развития. Трактую человека как промежуточный продукт биотехноэволюции, его сторонники предлагают большинство антропологических проблем современности разрешать с помощью технологического расширения умственных и физических возможностей человека и продления его жизни. Центральным понятием трансгуманизма является «трансчеловек», или индивид, который путем использования новейших биологических и

информационных технологий сможет выйти за predeterminedные природой рамки и преодолеть свою биологическую, а вместе с ней онтологическую и когнитивную, ограниченность.

Сейчас трансгуманистическое движение представляет собой достаточно широкое многообразие идеологических концепций и технологических решений, начиная с программ радикального продления жизни и заканчивая идеями создания биокомпьютеров и нейроинтерфейсов. Пока, правда, возможности полной, да и частичной реализации трансгуманистических проектов весьма ограничены. Однако смелость и парадоксальность его идей и целевых установок приводит к разносторонней (как со стороны адептов, так и со стороны противников) критике [Fuller 2011]. Трансгуманизм, реагируя на насущные вопросы изменения человеческой природы под воздействием технологий, при всей видимой новационности своих идей остается в русле прежней прогрессистской идеологии и антропоцентризма; он может быть охарактеризован как логичное продолжение идей современного светского гуманизма. Несомненной же заслугой его сторонников является заострение новых аспектов антропологической проблематики, а также «старых» вопросов, касающихся понимания жизни, человека, науки и техники.

Достижения науки и ее внедрение в жизнь человека настолько существенны, что позволяют современным философам говорить об их «вмещенности» друг в друга. Бруно Латур, в частности, полагает, что наука сегодня стала не только занятием ученых, но и общечеловеческой практикой, общество больше не относится к науке инструментально, более того, оно само становится «неожиданным последствием науки» [Latour 1998]. Эти обстоятельства заставляют пересмотреть взгляды на технологию, и шире – рациональность, а также на такие традиционные философские концепты, как знание, практика и сам человек. В последние годы общеупотребительным становится понятие «технонаука» (technoscience), применяемое для акцентуации технологического контекста научных достижений и их встроенности в жизненный мир. Донна Харауэй полагает, что нынешние достижения значительно расширяют прежнее понимание технологии как орудия или инструмента. Биотехнологии разрушают прежние границы между человеком и машиной, технология становится расширением нашей телесности, а человек – техносубъектом или *homo cyborg* [Haraway 1985].

Такая трактовка человека открывает путь к обоснованию пост-гуманистической онтологии, где человек оказывается «открытым» к взаимодействию с так называемыми «вещественными акторами» (в обозначении Б. Латура – nonhumans). Это позволяет преодолеть прежние дуалистические представления, противопоставляющие человека миру, и фундаментальный антропоцентризм, отводящий человеку привилегированное место. Человеческий индивид, будучи понятым в качестве продукта биологических, технологических и социальных взаимодействий, теряя свою уникальность, оказывается включенным в сети горизонтальных интеракций как с другими людьми, так и с «материальными агентами». Такая онтология не только легитимирует гибридные формы бытия, но и оказывается релевантной современным репрезентациям общества и культуры, связанным с сетевизацией, плюрализмом и редукцией бинарных оппозиций. Можно сказать, что концепция постгуманизма представляет собой антитезу антропоцентризму и обозначает попытку осмыслить трансформацию гуманистических ценностей в технонаучном мире.

Таким образом, критика классического гуманизма с неизбежностью сталкивается с потребностью вписать существование человека в реалии современного социума со свойственным ему расширением техносферы. В любом случае, как отмечает Е.Л. Яковлева, «все современные кризисы и риски, в том числе глобального характера, решаются на уровне человека в его статусе Быть и нести ответственность за содеянное, за сотворенный мир техники, машин и роботов» [Яковлева 2013, 510]. В этой ситуации актуализируется потребность в гуманитарном знании, особенно в такой его технологической форме как гуманитарная экспертиза, позволяющая преодолеть узкопрагматический утилитарный характер технико-технологических новаций и насытить их аксиологическими характеристиками.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Беляева 2008 – *Беляева Л.Н.* Гуманитарные технологии и гуманитарные науки в аспекте подготовки современного специалиста // Вестник Герценовского университета. 2008. № 1 (51).

Гвардини 1990 – *Гвардини Р.* Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4.

Князева 2011 – *Князева Е.Н.* Трансдисциплинарные стратегии исследования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 10 (112).

Кувакин 2002 – *Кувакин В.* Современный гуманизм // Высшее образование в России. 2002. № 4.

Куртц 2000 – *Куртц П.* Мужество статья: Добродетели гуманизма. – М.: Российское гуманитарное общество, 2000.

Лиотар 1998 – *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.

Марков 2000 – *Марков Б.В.* Ф. Ницше и гуманизм // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия. 6. Философия. Политология. Социология. Психология. Право. 2000. № 3.

Маркузе 2011 – *Маркузе Г.* Критическая теория общества. – М.: АСТ; Астрель, 2011.

Пржиленский 2009 – *Пржиленский В.И.* Идентичность: обретать, выбирать или конструировать? // Философские науки. 2009. № 10.

Пржиленский 2014 – *Пржиленский В.И.* Социальные технологии и гуманистические ценности: pro et contra // Философские науки. 2014. № 10.

Сергодеева 2013 – *Сергодеева Е.А.* Подозрение как феномен современной культуры // Философские науки. 2013. № 6.

Сергодеева, Монастырская 2017 – *Сергодеева Е.А., Монастырская Н.И.* Индивидуализация vs массовизация: парадоксы современного общества // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8.

Тульчинский 2008 – *Тульчинский Г.Л.* Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2008. Т. 16. № 4.

Тульчинский 2015 – *Тульчинский Г.Л.* Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра (материалы круглого стола) // Человек. 2015. № 2.

Фуко 1996 – *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996.

Черный 2003 – *Черный Ю.Ю.* Современный гуманизм // Философия в XX веке. В 2 т. Сборник обзоров и рефератов ИНИОН РАН. Т. 2. – М.: ИНИОН РАН, 2003.

Яковлева 2013 – *Яковлева Е.Л.* Гуманизм – постгуманизм – трансгуманизм – техногуманизм... Что дальше? // Гуманизм и современность: материалы Международной научно-образовательной конференции (8–9 ноября 2013). – Казань: Казан. ун-т, 2013.

Fuller 2011 – *Fuller S.* Humanity 2.0: What It Means to Be Human Past, Present and Future. – Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2011.

Haraway 1985 – *Haraway D.* A Cyborg Manifesto: Science, Technology and a Socialist Feminism in the 1980s // *Socialist Review*. 1985. Issue 80.

Latour 1998 – *Latour B.* From the World of Science to That of Research? // *Science Magazine*. 1998. Vol. 280. No. 5361.

REFERENCES

Belyaeva L.N. (2008) Humanitarian Technologies and the Humanities in the Aspect of Training a Modern Specialist. *Bulletin of Herzen University*. 2008. No. 1 (51) (in Russian).

Cherny Yu.Yu. (2003) Modern Humanism. In: *Philosophy in the twentieth century. In 2 parts: Collection of Reviews and Abstracts of the INION*

RAS. Vol. 2. Moscow: Institute of Scientific Information in Social Sciences, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Foucault M. (1996) *The Will to the Truth: Beyond Power, Knowledge, and Sexuality. Works of different years.* Moscow: Kastal (Russian translation).

Fuller S. (2011) *Humanity 2.0: What It Means to Be Human Past, Present and Future.* Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.

Guardini R. (1990) The End of the Modern World. *Voprosy filosofii.* 1990. No. 4 (Russian translation).

Haraway D. (1985) A Cyborg Manifesto: Science, Technology a Socialist Feminism in the 1980s. *Socialist Review.* Issue 80.

Knyazeva E.N. (2011) Transdisciplinary Research Strategies. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin.* 2011. No. 10 (112) (in Russian).

Kurtz P. (2000) *The Courage to Become: The Virtues of Humanism.* Moscow: Russian Humanist Society (Russian translation).

Kuvakin V. (2002) Modern humanism. *Higher education in Russia.* 2002. No. 4 (in Russian).

Latour B. (1998) From the World of Science to That of Research? *Science Magazine.* Vol. 280, no. 5361.

Lyotard J.-F. (1998) *The Postmodern Condition.* Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia (Russian translation).

Markov B.V. (2000) F. Nietzsche and Humanism. *Bulletin of St. Petersburg State University.* Series 6: Philosophy, Political Science, Sociology, Psychology, Law. 2000. No. 3 (in Russian).

Marcuse H. (2011) *Critical Theory of Society.* Moscow: AST; Astrel (Russian translation).

Przhilenskiy V.I. (2009) Identity: To Gain, Choose or Design? *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki.* 2009. No. 10 (in Russian).

Przhilenskiy V.I. (2014) Social Technologies and Humanistic Values: Pro et Contra. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki.* 2014. No. 10 (in Russian).

Sergodeeva E.A. (2013) Suspicion as a Phenomenon of Modern Culture. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki.* 2013. No. 6 (in Russian).

Sergodeeva E.A., Monastyrskaya N.I. (2017) Individualization vs Massification: The Paradoxes of Modern Society. *Society: Philosophy, History, Culture.* 2017. No. 8 (in Russian).

Tulchinskii G.L. (2008) Humanitarian Examination as a Social Technology. *Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts.* Vol. 16, no. 4 (in Russian).

Tulchinskii G.L. (2015) The Humanities: Yesterday, Today, Tomorrow (Materials of the Round Table). *Chelovek.* 2015. No. 2 (in Russian).

Yakovleva E.L. (2013) Humanism – Posthumanism – Transhumanism – Technohumanism... What is next? In: *Humanism and Modernity: Proceedings of the International Scientific and Educational Conference (November 8–9, 2013).* Kazan: Kazan University (in Russian).